

УДК 81'373

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ТАТАРСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

USE OF INVECTIVE VOCABULARY IN TATAR PUBLICISM

Д. К. Вахитова

D. K. Vakhitova

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань*

Аннотация. В татарской публицистике понятие «инвектива» представляет собой не новое явление, но выходящее за рамки сложившихся традиций. При помощи инвективной лексики происходит аттракция, т. е. привлечение внимания читателя к поднимаемой автором проблеме. Употребление инвективной лексики обуславливается тематикой статьи, прежде всего, это общественно-политическая и социально-экономическая тематика. Корпус используемых инвектив представляет собой сравнительно небольшой пласт лексики, и основной целью ее употребления в публицистике является не оскорбление, а общественное порицание.

Abstract. In Tatar publicism invective vocabulary is not a new phenomenon, still it goes beyond the established traditions. It is one of the ways of achieving attraction, i.e. the reader's attention is drawn to the issue raised by the author. The use of invective vocabulary is conditioned by the topic of the article which is mainly political and socio-economic. Invective is a relatively small stratum of vocabulary and the main purpose of its use in journalism is not an insult, but a public reprehension.

Ключевые слова: *инвективная лексика, публицистика, статья, татарский язык.*

Keywords: *invective vocabulary, publicism, article, the Tatar language.*

Актуальность исследуемой проблемы. Инвективная лексика представляет собой огромный интерес, так как является важным средством выражения крайне негативного отношения к объекту оценки – человеку как носителю определенных отрицательных, с позиции общества, черт характера, вредных привычек, нарушителью норм общественного поведения. Инвектива существует во всех национальных языках ввиду того, что представители любой национальности имеют потребность в выражении своих эмоций и чувств как положительных, так и отрицательных. Проблемой инвективной лексики занимались российские ученые В. И. Жельвис, А. А. Леонтьев, А. Ю. Позолотин, В. И. Карасик, В. В. Химик, Ю. А. Бельчиков и др. Среди зарубежных инвектологов особого внимания заслуживают работы Д. Лагоржет, Р. Амана, Клер, Роусон и др.

В. И. Жельвис дал следующее определение данному явлению: «В широком смысле инвектива определяется как любое вербальное проявление агрессивности или стилистически сниженной экспрессивности, оценочности, усилительности, эмотивности и эзотеричности по направлению к участнику коммуникативного акта, включая самого себя (при

физическом присутствии или отсутствии других), к ситуации, теме, предмету и процессу социально-речевого общения, вербальное проявление, осуществляемое посредством как литературной, так и просторечной лексики и фразеологии, а в узком смысле – как нарушение этнокультурного социально-этического табу употреблением только субстандартных лексических единиц различной степени этико-стилистической сниженности» [4, 7]. В нашей работе определение, данное В. И. Жельвисом, рассматривается как базисное.

Актуальность исследуемой проблемы инвективной лексики обусловлена расширением ее ареала во всех сферах языковой коммуникации, включая пласт публицистического стиля, и в связи с этим необходимостью дать оценку этому явлению с лингвистической точки зрения.

Использование инвективной лексики является характерным и частым явлением для татарской публицистики. Данный факт объясняется, прежде всего, демократизацией нашего общества, а следовательно, и языка, на котором оно говорит, свободой слова и отсутствием цензуры.

Материал и методика исследований. В основе предложенного в данном исследовании анализа лежат материалы выпусков газеты «Ватаным Татарстан» («Моя Родина Татарстан») за 1992 и 2012 гг. и газеты «Татарстан яшьләре» («Молодежь Татарстана») за 2012 г. Предпочтение этому периоду было отдано осознанно, учитывая его насыщенность крупными социально значимыми событиями, соответственно получившими отражение в средствах массовой информации.

В данной статье мы подробнее остановимся на ежедневной общественно-политической газете «Ватаным Татарстан», которая имеет официальный статус республиканской газеты и издается на татарском языке. В ней с точки зрения употребления инвективной лексики наблюдается общая тенденция, т. е. время от времени встречается инвективная лексика, свидетельствующая о снятии табуированности на подобное словоупотребление.

Авторы прибегают к применению инвективной лексики в публицистических текстах для достижения конкретных целей и задач. Посредством инвективы они имеют возможность более доступно для читателей выражать свою точку зрения и отношение к какому-либо событию или персоне. Использование инвективы, прежде всего, обусловлено тематикой публицистического текста. К примеру, основной тематикой выпусков газеты «Ватаным Татарстан» за 1992 год, несомненно, является проведение референдума в Татарстане. Многие статьи были посвящены именно этому политическому событию. Кроме того, не остались без внимания и фигуры таких политических деятелей того периода, как М. С. Горбачев и Б. Н. Ельцин.

Результаты исследований и их обсуждение. Очень часто инвективная лексика и фразеология находят свое отражение в публицистических текстах в форме какого-либо стилистического приема. Одной из самых распространенных стилистических функций инвективы в татарской публицистике является эпитет. К нелестным эпитетам авторы очень часто прибегают в высказываниях в отношении власти, политических фигур, партий. З. Галиев в статье «Кайда безнең батыр егетләр?» («Где наши смелые парни?») использует эпитеты *телсез* 'немой, бессловесный' и *тешсез* 'беззубый' в отношении депутатов, намекая на их неспособность решения задач: «Андый “телсез”, “тешсез” депутатлар кирәкме соң безгә?» [1, № 58, с. 3] (А нужны ли нам такие «бессловесные» и «беззубые» депутаты?).

В функции эпитета инвективная лексика встречается и в статьях нравственного характера: «Дөнья гел *миһербансыз, каты бәгырьле* адәмнәрдән генә тормый лабаса» [1, № 2, с. 3] (Ведь мир не состоит из одних жестоких и бессердечных людей). На наш взгляд, инвективная лексика в функции эпитета в статьях, затрагивающих нравственные вопросы, использована, прежде всего, для того, чтобы не оставить читателя равнодушным к проблемам, поднимаемым в них. Обращает на себя внимание тот факт, что авторы используют целый ряд инвектив подряд, таким способом привлекая внимание читателей и усиливая эффект воздействия. В статьях политического характера инвективная лексика в функции эпитета используется реже, что отчасти свидетельствует о приоритете нравственных вопросов по сравнению с политическими, а отчасти связано с особенностями использования эпитета.

Инвективная лексика и фразеология в функции иронии также представляют собой частое явление в публицистике татарского языка. В статьях ироничный эффект достигается именно за счет использования инвективной лексики. Такой прием прослеживается в отношении деятельности политических лидеров и партий. К примеру, в статье «Горбачев кыланганны» Р. Бадри иронично называет М. С. Горбачева «заботящимся» о народах: «Халыклар өчен “кайгыручы” Горбачев үзе дә шуны кыланганны, бүтәннәр нишләп азынмасын соң?» [1, № 32, с. 3] (Если Горбачев, «заботящийся» о народах, так себя ведет, то почему другие не будут вытворять, что хотят?).

Инвективные единицы на уровне апеллятивов достаточно часто встречаются в татарской публицистике и выполняют как назывную, так и функцию характеристики и оценки. Особый интерес представляют такие инвективы-апеллятивы, как слово «татарчонок», употребляющееся в назывной функции для выражения пренебрежительного отношения к представителям татарской нации, и слово «маржа», используемое для выражения пренебрежительного отношения со стороны татар к представителям русской нации. Так, в статье «Тәмуг Чигендә» («На границе ада») инвективным является оскорбительное слово «татарчонок»: «Татарстаннан икәнлегебезне белгәч, офицерлар безгә кимсетеп “татарчонок” дип кенә дэшәләр иде, янәсе, без – байлар калдыгы, үзез без өчен генә яшибез» [1, № 34, с. 3] (Как только узнали, что мы из Татарстана, офицеры обращались к нам только унижительным «татарчонок», видите ли, мы – недобитки баев, живем только ради себя). В трехтомном татарском толковом словаре представлено следующее толкование слова «маржа»: «сөйл. рус хатын-кызы» (разг. русская женщина) [6, 369]. Однако такое толкование лексической единицы «маржа» лишено всякого инвективного, оскорбительного оттенка, который встречается в разговорном языке в целом и в частности в статье Т. Шарипова «Тел тидерү урынсыз»: «Ираиданы бер генә укучы да “маржа” дип кимсетми, аны яратып, үз итеп, үзез безчә Оркыя дип йөртәләр» [1, № 101, с. 3] (Ираиду ни один ученик не унижает словом «маржа», ее, любя, по-своему называют Оркыя). Вышеуказанные инвективы «татарчонок» и «маржа» можно отнести к грубым, просторечным словам, используемым в бытовом общении.

Как показывает анализ, метафоричное употребление инвективной лексики и фразеологии в татарской публицистике 1992 года прослеживается значительно реже, чем употребление инвектив в функции эпитета, тем не менее особый интерес представляет статья Д. Асыллова «Урынын тапканнар бит, әй!» (Нашли же место!): «”Катып тормагыз эле, *тәре баганалары* кебек”, – дип сүгенә Аяз Гыйләжев. Драматург Туфан Миңнуллин да ачуы килгәндә: “Хәсэн, мин арыдым, төшендереп бир эле шул *тәре баганасына*”, –

дип каргана. Габдрахман Эпсәләмовның тел сандыгында да бар ул: “Аһ, *тәре табагачы, сөйрәлчек тәтәй, иске себерке*”, – дип жибәрә язучы кызып киткән чакларда ачуын китергән бәндәләргә» [1, № 224, с. 3]. («Что вы застыли, как соляные столбы (букв. как столб креста)», – ругается Аяз Гилязов. Драматург Туфан Миннуллин, когда сердится, ворчит: «Хасан, я устал, объясни ты этому остолопу». В словарном запасе Абдрахмана Апсәлямова это выражение тоже есть. «Ах, остолоп, потаскуха, метла старая», – говорит он в сердцах в адрес разозливших его типов). Как видим, в речи писателей чаще всего прослеживаются инвективные высказывания в функции метафоры: *тәре баганасы* ‘столб креста, остолоп’, *иске себерке* ‘метла старая’.

В статьях политической тематики также встречается употребление инвективы в функции метафоры. К примеру, в одной из статей М. С. Горбачева метафорично называют *курчак* ‘марионетка’: «Эйе, аларны аңлап була, чөнки август вакыйгаларыннан соң Михаил Сергеевич курчак президентка әверелде бит. Шушы курчак белән Ельцин уйный» [1, № 2, с. 3]. (Да, их можно понять, ведь после августовских событий Михаил Сергеевич превратился в марионеточного президента. Этой марионеткой играет Ельцин). На наш взгляд, автор статьи посредством данной инвективы наиболее доступным образом обозначает свое отношение к Горбачеву как к политическому деятелю и заставляет читателя взглянуть на объект статьи критически.

Метафоричное использование инвективы с компонентом-зоонимом прослеживается крайне редко в публицистических текстах 1992 года. Встречается лишь метафоричное употребление лексической единицы *елан* ‘змея’: «Без беркайчан да шул сазлыктан, *хәшәрәтләр, еланнар* арасыннан чыга алмабыз кебек» [1, № 72, с. 2] (Кажется, что мы уже никогда не выберемся из этого болота, из среды всякой мерзости и змей). Таким образом, метафоричные инвективы с компонентом-зоонимом более характерны для художественной литературы, нежели для публицистики.

В выпусках газеты «Ватаным Татарстан» за 1992 год наблюдается обилие инвективных заимствований из русского языка. Кроме того, заимствования инвективных единиц обнаруживаются в статьях, затрагивающих самые разные вопросы, т. е. имеют обширнейшую тематику.

В статьях политической тематики достаточно часто встречается такое инвективное заимствование, как «монстр». В статье «Партияме яки дәүләтме» («Партия или государство») С. Шахрай называет «монстром» власть: «Беренче көннәрдән үк властька дәүләтне үз эченә алган “монстр” килде» [1, № 143, с. 3] (С первых же дней к власти пришел «монстр», проглотивший государство).

В статьях социальной тематики используются более грубые, сниженные инвективы, такие как «дебил, ублюдок»: «Хайваннарга мөнәсәбәт тә андый булмас, “дебил, ублюдок”лар дип нәни генә гаеп өчен дә кыйныйлар, каршы әйтсәң, көне буе салкында казармага кертмиңә тоталар» [1, № 34, с. 3] (Даже к скотине не бывает такого отношения, даже за малейшую провинность бьют, обзывая «дебилами и ублюдками», а если пререкаешься, то целыми днями держат на морозе, не пуская в казарму). Употребление более резких инвектив-заимствований в данной категории объясняется тем, что вопросы именно социального характера являются наиболее острыми и актуальными для общества.

В выпусках газеты «Ватаным Татарстан» за 1992 год представлено огромное количество заимствований, которые в указанных статьях приобретают особенно грубую инвективную окраску. Такого рода лексические единицы обнаруживаются главным образом

в статьях, затрагивающих национальный вопрос. В рамках национального вопроса слова с инвективным оттенком в статьях повторяются: «Халыкны берләштерү, үз туганнарың белән бергәлек кору уе белән янган милләтпәрвәрләребезгә “милләтче”, “пантюркист”, “панисламист” кушаматлары тагылып, төрмәгә озатылды» [1, № 2, с. 2] (На наших патриотов, охваченных идеей объединения со своими братьями, навесили ярлыки «националист», «пантюркист», «панисламист» и отправили по тюрьмам). В данной выдержке слова «националист», «пантюркист», «панисламист», хоть и не входят в состав инвективного корпуса языка, тем не менее автор Р. Ягъфаров рассматривает их как оскорбительные. Частое использование такого рода инвективных заимствований в публицистике 1992 года обусловлено, прежде всего, общественно-политическими процессами того периода.

Следует особо выделить инвективную единицу *бәндә* ‘человечишка’. В толковом словаре татарского языка данное слово отмечено стилистическим маркером «уничижительное» и имеет следующее определение: «Начар, явыз яки булдыксыз, ихтыярысыз кеше» (Плохой, злой, бестолковый, слабохарактерный человек) [5, 208]. Данное значение слова является основным, а значение *кеше* ‘человек’, согласно стилистическому маркеру, – второстепенным и устаревшим. Инвектива *бәндә* достаточно часто встречается в публицистических текстах 1992 года и, как правило, используется в отношении депутатов. В одном из выпусков газеты было опубликовано письмо шахтеров (И. Аббасова, Р. Насыйбуллина, Р. Сабирова), посвященное депутату партии «Демократическая Россия» Р. Ахматову: «Сез, оятсыз бәндә, ничек татар халкының йөзенә карыйсыз?» [1, № 38, с. 3] (Вы, бессовестный человечишка, как будете смотреть в лицо татарскому народу?). Следует отметить, что лексема *бәндә* ‘человечишка’ придает словосочетанию особый уничижительный и презрительный оттенок.

В некоторых случаях слова и словосочетания, изначально не являющиеся инвективными, могут приобретать инвективный оттенок. Так, например, в определенном контексте слово *татар* ‘татарин’ может использоваться в качестве инвективного: «Арада ник бер “татар” дип кимсетүче булсын» [1, № 101, с. 3] (Нет никого, кто унизил бы, назвав «татарином»).

Инвективная лексика в функции проклятия встречается главным образом в социально-экономической рубрике газеты. Так, в одной из статей высказывается мнение по поводу купонов, существовавших в 1990-е годы, при этом автор прибегает к использованию проклятия *чукнып китсен* ‘пропади пропадом’: «Чукнып китсен купоннары, миңа аракы кирәк» [1, № 2, с. 1] (Пропади пропадом эти купоны, мне нужна водка).

Объектами проклятия являются не политические деятели или партии, а злободневные явления социально-экономической жизни общества, наиболее актуальные в тот период истории развития республики и страны в целом.

В общем, инвективная лексика и фразеология наиболее часто используются в публицистических текстах 1992 года политической и социально-экономической тематики. Это объясняется общественно-политическими событиями, происходившими в республике в начале 1990-х годов. В выпусках газеты «Ватаным Татарстан» за 1992 год инвектива прослеживается главным образом в функции метафоры, эпитета и иронии в статьях различной направленности. Однако наиболее грубая инвективная лексика, заимствования, а также различного рода проклятия, присутствуют именно в статьях, затрагивающих социальные вопросы, нежели политические, что свидетельствует о том, что общество острее реагирует на проблемы, имеющие непосредственное отношение к условиям жизни.

В изданиях газеты «Ватаным Татарстан» за 2012 год инвективная лексика и фразеология также прослеживаются в статьях различной тематики для достижения различных целей. Как и в статьях газеты «Ватаным Татарстан» за 1992 год, в выпусках 2012 года обнаруживается огромное количество инвектив, употребленных в форме эпитетов. В этой связи интерес представляет высказывание Д. А. Медведева, включающее инвективный эпитет *кабахэт* 'подлый, мерзкий', относительно происшествий в отделении полиции «Дальний»: «Берничэ кабахэт кеше кылган гамэлдэн чыгып кына бөтен полиция турында фикер йөрттергә ярамый» [2, № 76–77, с. 5] (Нельзя судить об общем уровне противопорядка по действиям отдельных мерзавцев).

Ирония является одним из излюбленных способов употребления инвективной лексики и у современных публицистов, особенно в статьях социально-экономической направленности. К примеру, Г. Хабибуллина в статье «Игълан ителмэгән сугыш» («Необъявленная война») использует иронию, называя людей, проживающих в богатых домах, *мескеннәр* 'бедняками'. На наш взгляд, данное высказывание содержит в себе инвективный подтекст: «Хан сараена тиң йортларда яшәгән “мескеннәр” дә, фатир өстенә фатир булган “хәерче”ләр дә» [2, № 8, с. 2] (И «бедняки», живущие во дворцах, под стать ханским, и «нищие», имеющие квартиры на квартирах).

В современных публицистических текстах используются те же проклятия, что и в статьях начала 1990-х годов. К примеру, в рубрике криминальных новостей применяется проклятие *каһәр суксын* 'будь проклят', которое встречалось и в выпусках 1992 года: «Каһәр суксын иде шул кешене!» [2, № 76–77, с. 3] (Пусть будет проклят этот человек!).

В современных публицистических текстах, как и в статьях конца прошлого столетия, прослеживаются инвективы, заимствованные из русского языка. Так, Р. Фатрахманов в своей статье «Коллекторлар белән танышасың киләме, яки законлы талау» («Хочешь познакомиться с коллекторами, или законный грабеж») использует заимствование «паразит» в отношении бизнесменов, для того чтобы у читателя также сформировалось отрицательное отношение к коммерсантам: «Син беркайчан да алмаган кредитны түләүне таләп итеп стресс ясау да берни тормый бу паразит бизнес вәкилләренә» [2, № 133–134, с. 5] (Этим паразитам-бизнесменам ничего не стоит подвергать тебя стрессу, требуя погашения не полученного тобой кредита).

Стоит отметить, что некоторым словам татарского языка, изначально не считавшимся инвективными, современное общество приписывает именно это значение, и все чаще они начинают использоваться в своем инвективном значении: «Берсе, колхозник дип үзенчә башкаларны кимсетергә тырыша, берәү үзен колхозник дип кимсетелгән санный... Исем китмәде дисәм дә, базардагы нәфрәт белән әйтелгән “колхозник”тан соң барыбер күнелдә нидер калды» [2, № 185, с. 2] (Называя колхозником, один по-своему старается унижить других, другой считает себя оскорбленным словом «колхозник»... Хотя и сказал, что не обратил внимания, но после с ненавистью сказанного на рынке слова «колхозник» какой-то осадок остался). Как видим, в современном татарском языке слово «колхозник» может использоваться не только для обозначения человека, работающего в колхозе, но и как деревенщины, невежды, тем самым выражая пренебрежительное отношение.

Часто публицисты используют целый ряд слов с отрицательной коннотацией, как в статье А. Хасанова: «Ә бик әлләкем булып, борыннарын күккә чөеп йөрүчеләрне сидереп сидегенә утыртырга да күп сорамый иде» [2, № 161, с. 3] (А он мог, недолго думая, проучить тех, кто слишком задирает нос). Как видим, данное высказывание вызывает у читателя настоящий шок таким обилием слов с отрицательной оценкой. Предположительно в этом и заключалась цель автора.

В целом следует отметить, что в современных публицистических текстах инвективная лексика и фразеология чаще всего находят употребление в статьях социально-экономической тематики в форме эпитетов, метафор и иронии.

Иногда авторы могут намеренно пропускать инвективу, заменяя бранное слово многоточием, как в следующем отрывке, опубликованном в газете «Татарстан яшьләре»:

«Кукурузның ботагын
Йөгәрә-йөгәрә утадым.
Ашыйсың килсә ашарсың
Хрущевның...» [3, № 74, с. 3].

Данный отрывок не является законченным, так как вместо многоточия должна быть инвектива. Читатель может легко догадаться об этом исходя из рифмы.

С точки зрения журналистов, особо частым и сильным средством эмоционально-экспрессивного воздействия является использование готовых заимствованных слов и выражений, а также калькирование и образование на их основе татарских слов. Исходя из примеров употребления инвективной лексики, приведенных выше, мы можем сделать вывод, что публицисты часто прибегают к заимствованию инвективы из русского языка. Интересный пример данному явлению представлен в газете «Татарстан яшьләре»: «Америкача укытуның илне дебильтәштерүгә алып баруын хәтта үзбезнең дә кайбер акыллы-башлар таный башлады» [3, № 57, с. 4] (То, что американский стиль преподавания ведет к дебилизации страны, поняли даже некоторые свои «умные головы»).

Случаи, когда приводятся целые готовые конструкции и даже предложения, более редки. Тем не менее они есть и с точки зрения публицистики вполне оправданы. «...Российские вузы принимают дубов, а выпускают липу», – диде ул (Герман Греф) [2, № 135, с. 3]. Интересно отметить, что автор статьи Р. Фатрахманов преднамеренно не перевел данное высказывание Г. Грефа на татарский язык: «Аның сүзләрен тәржемә итсәк, бөтен мәгънә төсмерләрен дә биреп житкерү кыен, шуңа оригиналда карыйк» [2, № 135, с. 3] (Если бы мы перевели его слова, то сложно было бы передать все нюансы значения, поэтому взглянем на оригинал).

Проанализировав инвективную лексику, использованную в статьях газеты «Ватаным Татарстан» за 1992 и 2012 гг., мы можем констатировать, что в выпусках газеты за 1992 год инвективная лексика преобладает преимущественно в статьях политической направленности в форме эпитета, метафоры и иронии, также в статьях, затрагивающих национальный вопрос. На наш взгляд, это объясняется бурными общественно-политическими событиями, имевшими место в начале 1990-х. Кроме того, в статьях, затрагивающих те или иные нравственные вопросы, также достаточно часто встречается инвективная лексика. В статьях, посвященных социально-экономической тематике, прослеживается более грубая инвективная лексика и различного рода проклятия, что свидетельствует о том, что общество острее реагирует на эти проблемы.

В выпусках газеты за 2012 год инвектива прослеживается чаще всего в статьях социально-экономической тематики в форме эпитета, иронии и реже – политической. Кроме того, в одном из выпусков газеты мы обнаружили интересные примеры использования инвективной лексики в статьях об охране здоровья и образовании, чего не было найдено в газетах за 1992 год. Однако в изданиях газеты за 1992 и 2012 гг. в рубриках «Спорт», «Религия», «Наука и культура» не было обнаружено ни одного случая использования инвективной лексики.

Сравнительный анализ показывает, что в публицистике 1992 года по сравнению с 2012 годом используется значительно более широкий набор инвективных средств, что обусловлено тем, что данный период характеризуется значительными переломными событиями в общественно-политической жизни общества.

Резюме. В современном публицистическом дискурсе инвектива представляет собой хоть и не новое явление, тем не менее выходящее за рамки сложившихся традиций и устоявшейся нормы. Употребление инвективы гарантирует автору определенную реакцию читателя на словесное нарушение такого рода: недовольство, несогласие, протест и т. д. Инвективная лексика вызывает аттракцию, иными словами, привлекает внимание читателя к поднимаемой автором теме или проблеме.

Выбор и частотность употребленной инвективной лексики также обуславливаются тематикой статьи. Четко прослеживаются основные проблемные линии, в вокабуляре которых инвективы присутствуют постоянно, прежде всего, это общественно-политическая и социально-экономическая тематика. Публицисты стремятся лишить значимости образы многих политических деятелей при помощи сарказма, иронии, насмешек, в состав которых регулярно входит инвективная лексика. Иногда инвектива может быть преподнесена в контексте, в таком случае читатель сам догадывается о скрытой инвективе.

Анализ инвективной лексики в публицистике позволяет сделать вывод, что корпус используемых инвектив представляет собой сравнительно небольшой пласт лексики и основной целью ее употребления в публицистике является не оскорбление, как, например, в бытовом дискурсе, а общественное порицание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Газета «Ватаным Татарстан». – 1992. – № 2, 32, 34, 38, 58, 72, 101, 143, 224.
2. Газета «Ватаным Татарстан». – 2012. – № 8, 76–77, 133–134, 135, 161, 185.
3. Газета «Татарстан яшьләре». – 2012. – № 57, 74.
4. Жельвис, В. И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия / В. И. Жельвис. – Ярославль : ЯПГИ им. К. Д. Ушинского, 1990. – 81 с.
5. Толковый словарь татарского языка : в 3 т. Т. 1. – Казань : Татарстан китап нәшрияты, 1979. – 476 с.
6. Толковый словарь татарского языка : в 3 т. Т. 2. – Казань : Татарстан китап нәшрияты, 1979. – 726 с.